Ривердейл. Накануне

Автор:
Микол Остоу

Ривердейл. Накануне

Микол Остоу

Riverdale

Ривердейл – дружелюбный, на первый взгляд тихий городок кленового сиропа, танцев и футбола. Кажется, что здесь ничего не происходит и так будет вечно.

Но однажды тишину мирного летнего утра разорвет громкий выстрел… И все перевернется с ног на голову. На свет выползут темные тайны, которые Ривердейл хранил не один десяток лет.

Но что же привело к убийству? Какие странные события и хитросплетения судеб? И какое отношение к этому имеют одноклассники и ученики ривердейлской старшей школы – Арчи, Джагхед, Бетти и Вероника? Что происходило за день до рокового события?

Микол Остоу

Ривердейл

Накануне

Micol Ostow

RIVERDALE. THE DAY BEFORE

© 2019 Archie Comics Publications, Inc.

All Rights Reserved. Riverdale and Archie

Comics are trademarks and/or registered

trademarks of Archie Comics in the U.S. and/

or other countries.

Russian-language edition published by

ROSMAN LLC, by arrangement with

Scholastic Inc., 557 Broadway, New York,

NY 10012, USA.

Серия «Riverdale»

© ООО «РОСМЭН»

* * *

Предисловие

Джагхед

Ривердейл называют городком с огоньком, но стоит провести здесь какое-то время, и начинаешь понимать, что за широкими, точно приклеенными улыбками местных жителей таится бездонный, размером с саму Нарнию, шкаф, туго набитый скелетами. Конечно, в любом небольшом городке имеются свои тайны. Но даже те, кто провел всю свою жизнь в Ривердейле, были потрясены, когда этот, образно говоря, ящик Пандоры приоткрылся, явив на всеобщее обозрение свое содержимое.

Поверьте, я знаю, о чем говорю. В последнее время я начал замечать, что все, кто мне дорог, каким-то образом попадают в одну историю в духе Дэвида Линча за другой.

Ривердейл – еще и город в духе картин Нормана Роквелла. Тут вам и блинная полуночная вечеринка в конце зимы, и разукрасившие окна мэрии морозные узоры, и клубы пара, вырывающиеся изо рта, когда – если! – мы решаемся выйти на холод. Или взять встречу выпускников Ривердейлской старшей школы – словно слизанное с экрана кабельного ТВ прославление духа Америки: футбол, танцы и чувство гордости за свой городок.

Но лично мне больше всего нравится ежегодное празднование Дня независимости четвертого июля. Серьезно, это единственный праздник, который кажется мне важным. Обычно мы с Бетти и Арчи вместе участвовали в городских гуляньях, уписывали хот-доги и сахарную вату, пробовали свои силы в ярмарочных состязаниях – кто забросит мяч в кольцо? (Бетти всегда оказывалась самой меткой из нас.) К вечеру мы с Арчи отправлялись в Сентервиль поглазеть на фейерверк, а Бетти оставалась в Ривердейле – шла на местный концерт со своей сестрой Полли (Бетти постоянно хвостиком бегала за сестрой, даже когда Полли начала встречаться с Джейсоном и они стали неразлучны). День независимости – это наша фишка. Так всегда было. Мы с Арчи принимали участие в празднестве еще до того, как ходить научились, нас родители брали с собой. Бетти присоединилась к нам где-то в первом классе. И с тех пор это наша фишка.

Вернее, была наша фишка.

Потому что этим летом все изменилось. Бетти уехала в Лос-Анджелес оттачивать журналистское мастерство на стажировке в редакции интернет-портала «Хелло Гиглз» (кстати, Полли с Джейсоном расстались – поскандалили знатно, все мосты сожгли, прямо Война Алой и Белой розы). А Арчи завяз, помогая отцу на стройке…

Честно говоря, я последнее время вообще редко с ним пересекаюсь. Не знаю почему. Лучше не спрашивайте.

Ну а я… Что я? Пока что лето как лето. Подрабатываю вечером в автокинотеатре «Твайлайт», чтобы чуть-чуть разжиться деньгами, не торчать дома и заодно поменьше мозолить глаза папе…

Не мозолить глаза – в этом я мастер. Я слежу за происходящим со стороны, а потом пишу обо всем, что увижу.

Тем временем в Нью-Йорке, хотя никто из нас об этом еще не знал, юная светская львица по имени Вероника Лодж беспечно прожигала жизнь, точно героиня сериала «Сплетница», а все благодаря ее папочке, Хайрэму Лоджу, вернее, его бездонному банковскому счету. У родителей Вероники своя история с Ривердейлом, но к нам это никакого отношения не имело.

Ну, по крайней мере, мы так думали.

Согласно эффекту бабочки, даже самый незначительный случай может стать причиной непредсказуемых – и катастрофических – событий. Одно действие – каскад последствий – непредвиденный итог.

Именно это и произошло с нами тем летом. С Арчи, Бетти, Вероникой и мной. Было третье июля. Впереди маячил праздник, от которого я не ждал ничего хорошего, поскольку мы были порознь. Мы тогда даже не догадывались, что наши тропки уже переплелись самым диковинным образом.

Крошечные глупые бабочки, мы махали крыльями, не ведая, к чему это приведет.

Часть первая. Утро

От: Д. Дойли1@Любителиприключений. net

Кому: [Список: все_скауты]

Тема: Список вещей в дорогу

Всем отважным ривердейлским скаутам!

Надеюсь, все подготовились к походу. Вы не были бы моими ребятами, если бы не были всегда готовы к любому повороту событий! Пожалуйста, ознакомьтесь с рекомендованным списком вещей:

рюкзак с внешним каркасом

палатка

(Не забудьте колышки, растяжки и туристический коврик для вашей палатки! Земля в лесах вдоль Свитуотер может оказаться заболоченной.)

спальник (можно со вкладышем)

мультитул – никаких складных ножей, согласно постановлению вожатого

фонарики (с запасными батарейками)

плавки

водонепроницаемая обувь

термобелье, пижама и носки для ночевки

бутылка для воды

энергетические батончики или другие легкие перекусы

солнцезащитный крем

бальзам для губ

туалетная бумага

средство от насекомых

зубная щетка/набор для личной гигиены по потребности

Я беру с собой аптечку. Возможно, вы захотите захватить фотоаппарат, бинокль и топографическую карту Свитуотерских лесов (я вложил файл в письмо, хотя сейчас все уже должны прекрасно ориентироваться на местности).

Будьте готовы к двум длительным переходам: сегодня вечером к месту ночевки и завтра утром на рассвете. Те, кто сумеют правильно определить различные виды флоры и фауны во время одного или обоих переходов, получат скаутские значки. Я буду очень рад провести выходные с такими талантливыми скаутами, как вы! Если у кого-то остались вопросы, пишите.

Искренне ваш,

вожатый Дилтон

Шерил:

Джей-Джей, ты в курсе, что тебя папа обыскался? Он в ярости. Советую затаиться, хотя рано или поздно тебе все равно придется с этим разбираться.

Джейсон:

Спасибо, работаю над этим. До встречи?

Шерил:

Я уже в пути. Чуть не столкнулась с дорогим папочкой. Чмоки.

Глава первая

Бетти

Дорогой дневник!

Поверить не могу, что уже наступило четвертое июля! Так странно отмечать День независимости тут, в Лос-Анджелесе, без Полли, Арчи и Джагхеда. Даже не помню, когда мы в последний раз пропускали городские гулянья в Ривердейле в этот день. Наверное, тем летом, когда Арчи с Джагхедом строили домик на дереве и Арчи сломал руку. Мы тогда весь день проторчали дома, читали комиксы и ели красно-бело-синий фруктовый лед. От мороженого языки у всех стали фиолетовыми, а Джагги сожрал в три раза больше порций, чем мы с Арчи. Но это было так давно.

Конечно, я скучаю по Ривердейлу и своим друзьям. Но в Лос-Анджелесе просто ПОТРЯСАЮЩЕ. В доме у тети Гертруды странновато пахнет (не знаю, что это, но мне кажется, запах въелся в стены – это какая-то странная смесь чеснока и хозяйственного мыла), но зато она живет прямо на краю парка «Раньон-Каньон». Поэтому каждый день перед работой я там бегаю. Вид просто невероятный. Дух захватывает. В Ривердейле ничего подобного нет.

Погода отличная, бариста в «Блеквуд-кофе» уже выучила мой заказ наизусть (эспрессо, добавить молока и две ложки сахара)… И еще кое-что…

Да, я скучаю по Полли. Но вот впервые оказаться так далеко от мамы… Хм, совсем неплохо.

Понятно, что я люблю ее, и, конечно, мама меня любит, но она так все контролирует. А тут вдруг у меня появилась хоть какая-то свобода действий. Это так круто.

Еще мне нравится работать в женском онлайн-журнале «Хелло Гиглз». Ничего, что пока мне не удалось понравиться своей начальнице Ребекке Сантос,

выпускающему редактору отдела очерков. То ли она считает меня дурой из захолустья, то ли еще что, но почему-то мне никак не удается произвести на нее впечатление.

Наверное, из-за того, что я новенькая, не местная, да и опыта у меня куда меньше, чем у других сотрудников. Ребекка в основном гоняет меня с мелкими поручениями – принести кофе, организовать совещание, сделать рассылку. В общем, я у нее девочка на побегушках.

То есть я все равно в восторге от новой работы, но пока мне не удалось ничего написать, кроме разве что названий на корешках папок. Ребекка требует, чтобы я сначала писала эти названия карандашом, а потом уже обводила фломастером. По-моему, у нее бзик какой-то, может, даже фобия. По-любому, Пулитцеровская премия мне пока не светит.

В общем, Ребекка мне скучать не дает, и это замечательно. По разным причинам. Ну хотя бы потому, что при такой загрузке мне некогда грустить из-за разлуки с друзьями, с которыми я не смогу отпраздновать День независимости, – и это, пожалуй, единственный недостаток лета в Лос-Анджелесе.

Ой, да кого я обманываю, дневничок? Я тоскую не по друзьям, а по Арчи.

Полли:

Привет, сестренка. Время есть? Хочу поболтать.

И узнать об этом твоем Чумовом Брэде. Судя по прозвищу, он такой… Не Арчи. Что неплохо.

Скучаю по тебе.

Бетти:

Я по тебе тоже. Но ты его лучше называй просто Брэд. ПОЗЯЗЯ:) Он совсем не Арчи. В хорошем смысле. Но и не Арчи. В плохом смысле.

«Чумовой Брэд». Так он представился. Прозвучало это так отстойно, что я рассмеялась, – наверное, потому он так и сказал.

Я познакомилась с ним через неделю после приезда в Лос-Анджелес. Я тогда уже начала потихоньку привыкать к городской суете. Поток машин тут просто безумный, пробки часами не рассасываются, причем каждый день. А еще погода всегда одинаковая – серьезно, тут никто не знает, что делать в те редкие дни, когда идет дождь. Местные с катушек слетели бы, если б им пришлось пожить зимой в Ривердейле, хотя у нас столько кленового сиропа, что весь Лос-Анджелес мог бы только этим сиропом и питаться, причем бесконечно… Обычные прохожие здесь выглядят, как знаменитости, может, когда-нибудь они и вправду станут звездами. Но все-таки я все еще чувствовала себя провинциалкой в большом городе – да и как иначе, когда у меня практически на всей одежде красовались какие-нибудь розовые цветочки или что-то вроде того? С тем же успехом я могла бы нацепить на лоб табличку с надписью «ТУРИСТ»… или «ЧУЖАК». Тем не менее я постепенно приспосабливалась к городскому ритму, и, хотя все еще чувствовала себя посторонней, мне тут было хорошо.

Полли часто писала мне, спрашивала про парней в Лос-Анджелесе, и я отвечала, что, мол, парни на меня не обращают внимания. Я для них «милаха». Ничем не примечательная девчонка по соседству. А единственный парень, чье внимание мне действительно нужно, точно меня любит… но, наверное, не так, как хотелось бы. Вот для него я как раз девчонка по соседству.

(На самом деле я не знаю, как он ко мне относится, потому что всегда боялась спросить.)

Так вот, была пятница. Ребекка отправила меня купить суши на всю редакцию (роллы с креветками темпура, коричневый рис, острый соус и салат с водорослями хидзики – к тому моменту я уже знала наизусть, что обычно заказывает Ребекка). Несмотря на то что я сделала предварительный заказ по телефону, официант сказал, что придется подождать, поэтому я достала из сумки книжку («Самые синие глаза», я ее раз сто перечитывала) и уселась на травке в парке Магуайр-гарденс, там отличное местечко: и посидеть можно, и на людей поглазеть.

Это был один из тех летних дней, когда все вокруг буйно зеленеет и цветет и небо такое голубое, как на профессиональных фото. Только это была не фотография, а реальная жизнь. Хэштег: без фильтра.

И вдруг на страницу книги упала тень.

– Легонькое чтиво какое-то, да?

Я подняла голову. Рядом со мной стоял парень моего возраста, в простенькой футболке и штанах-карго. Русые, с золотистым отливом волосы растрепались, на губах играла белоснежная улыбка, прямо как в рекламе зубной пасты.

Я вспыхнула:

– Вряд ли с этой книгой можно расслабиться, но она моя любимая.

Преуменьшение века. Тони Моррисон – мой ИДОЛ. «Хелло Гиглз» организует для нее встречу с читателями этим летом, и я мечтаю стать частью этого проекта. С тех пор как я узнала о встрече, я даже позволяла себе кое-какие «прозрачные» намеки – например, повсюду таскала с собой одну из книг Моррисон.

– Если для расслабления ты читаешь такие книги, тебе не помешают другие способы развеяться. – Когда он улыбался, в уголках его глаз собирались морщинки.

– И что ты предлагаешь? – поинтересовалась я.

Неужели я кокетничаю с ним? А вдруг лосанджелесская Бетти и правда умеет кокетничать? И может, ривердейлской Бетти стоит у нее кое-чему поучиться?

Он снова улыбнулся:

– Я надеялся, что ты спросишь. Ну, первое, что приходит на ум: давай я устрою тебе нормальный отдых.

Наверное, я слегка опешила, потому что он поспешно добавил:

– Ну или просто сходим поужинать вместе. Скромненько так. Клянусь, я не маньяк и не убийца. Честное слово.

– Хм-м-м… – Я притворилась, что обдумываю его предложение. – Ну, раз уж ты не маньяк-убийца… и скромненько… это мне нравится.

– Вот видишь? Мы родственные души.

Родственные души. Мне вспомнилась рыжая шевелюра Арчи, его веснушки, бездонные зеленые глаза. Мы с Арчи постоянно ходим в закусочную Поупа, но ни один из этих походов нельзя назвать свиданием.

– Вот мой телефон. Дашь мне свой номер? – Он протянул мне мобильный, вдруг наморщил лоб. – А, да… я, кажется, забегаю вперед. Неплохо бы сначала узнать, как тебя зовут.

– Бетти, – рассмеялась я. – Бетти Купер.

Взяла у него телефон – и охнула. Я совсем забыла про время! Креветки Ребекки уже, наверно, остыли. Черт. Поспешно вбила свой номер в его телефон, схватила сумку и вскочила.

– Прости, надо бежать… понимаешь, у меня стажировка…

– Без проблем. Потом все подробно расскажешь. За ужином.

Я улыбнулась, и мне вдруг стало любопытно: а собираются ли и у меня такие же морщинки вокруг глаз?

– Хорошо, за ужином.

– Да, кстати, меня зовут Брэд. Или – поскольку ты вроде еще не обвыклась в Калифорнии – можешь звать меня Чумовой Брэд.

Я уставилась на него.

– Ну ладно… А можно, я не буду тебя так называть? Ха, эта лос-анджелесская Бетти опять кокетничала!

Поразительно. И прикольно.

– Бетти Купер, можешь называть меня, как тебе вздумается. Но советую поторопиться, пока начальство не заметило, как ты в перерыве снимаешь парней.

От: KweenKatJosie@Pussycats.net

Кому: [список: кошечки]

Тема: программа на завтра

Роскошные мои богини-сестры-певицы!

Спасибо вам обеим за суперотжиг на вчерашней репетиции. Мы круты, сто пудов!

Не забудьте, встречаемся возле школы сегодня ровно в 14–00 на еще одну репу перед завтрашним вечерним выступлением в мэрии. Высылаю вам программу. Просмотрите список песен, отметьте, чокак. Если хотите что-то поменять, будьте готовы объяснить почему.

Завтра встречаемся на площади в 16–00 на саунд-чек. Пунктуальность – наше все, леди. Может, нам и плевать на то, попадем ли мы на ежегодный показ фильма «День независимости» в «Твайлайт» (это Джагхед Джонс так шутит или что?), но по традиции «Кошечек» надо настроиться на выступление.

И последняя, но тем не менее важная новость: если кто-то из вас увидит, что неподалеку ошивается Реджи Мэнтл, советую сваливать. Он мне предлагал типа стать «менеджером» «Кошечек». Было б смешно, конечно, если бы он не был так жалок. Не давайте ему загнать себя в угол, если не хотите головняков. Мы сейчас себе никаких головняков позволить не можем!

Целую, цап-царапки.

Джози

Глава вторая

Джагхед

Ранним утром трейлер кажется особенно отвратительным (или восхитительно омерзительным?). Жаль, что я уродился жаворонком. Свет восходящего солнца едва-едва пробивается в крохотные оконца, но только размазывает тени по ветхой, купленной на распродажах мебели да пляшет на комках пыли в углах. Ну просто художественное воплощение понятия заброшенности.

Утро только началось, но уже не отличалось от всех предыдущих. В воздухе висел застарелый запах табачного дыма и дешевого пива. Я с трудом заставил себя сесть – вчера я пришел домой раньше папы, а потому пришлось лечь спать на кушетке, это меньшее из всего, что я мог сделать, отдать ему спальню, – и огляделся.

Вокруг царила пустота. Я ее нутром, спинным мозгом чуял в этом угрюмом месте, слышал ее, как беззвучное эхо, хотя и не мог описать словами.

Раз я пришел домой раньше папы, значит, он вчера гулял допоздна. А это значит…

Ничего хорошего.

Постоянные скандалы родителей – это кошмар, у меня внутри все переворачивалось, когда я видел, как они вопят друг на друга, особенно при Джеллибин, которая так страдала из-за этого. Но, по крайней мере, когда мама кричала на папу – хоть мы с Джеллибин и были в ужасе, – это значило, что они оба рядом, вместе.

– Это ненадолго, – сказала мне мама, запихивая потрепанный чемодан в багажник не менее потрепанной машины и усаживая в детское автокресло Джеллибин, которая ныла, что она уже достаточно большая и хочет сидеть на переднем сиденье.

И уехала. «Это ненадолго. Пока папа не наладит свою жизнь». Как будто это так просто, «наладить жизнь». Как будто существует готовый бланк со списком действий, который папе следует заполнить, вычеркивая пункты один за другим, после чего его жизнь каким-то чудесным образом наладится.

Как будто жизнь моего отца вообще когда-нибудь была налаженной.

Нельзя сказать, что я не хотел верить в него. Или в них обоих.

Но в свои шестнадцать я уже не мог припомнить время, когда у папы все было в порядке. В связи с чем мамины планы как-то не радовали.

А то, что она не взяла меня с собой? Я старался не задумываться о том, что это значит. В любом случае кто-то должен был остаться с папой, приглядывать за ним и за его определенно-не-налаженной жизнью. И вот я, ни-капли-не-блудный сын, брошен в Ривердейле, чтобы держать папашу под наблюдением.

Конечно, приглядывать за ним было бы куда легче, если бы он хоть иногда появлялся в поле моего зрения.

Но, наверное, и в этом есть какой-то свой сокровенный смысл, ведь чего приглядывать за тем, кто и так все время на виду?

Большинство школьников считают дни до летних каникул. Но мне, честно говоря, не хватало структурированности школьного года, задававшей ритм моим дням (пусть этот ритм включал ответы на уроках, контрольные и прочее).

А может быть, именно это лето казалось особенно размытым, поскольку мама и Джеллибин уехали, Бетти далеко… Арчи завяз… кто знает в чем, но его тоже никогда нет рядом, и причина точно не в том, что он так много работает на стройке, помогая папе. Я в это не верю.

Раньше мы с Арчи были практически как братья. Наши отцы вели совместный бизнес, и мы росли вместе. Но в последнее время Арчи изменился. И три недели назад, когда я пошел к нему рассказать, что мама уехала и забрала Джеллибин… Я не смог его найти. Буквально. И он не отвечал на эсэмэски. Мой лучший друг… не замечал меня в упор.

И вообще, как долго будет длиться это ее «ненадолго»?

Ночь выдалась жаркая. Смыв с себя под душем липкий пот, я быстро оделся и запихнул в один карман телефон, эту рухлядь с треснувшим экраном (ни одного сообщения), а в другой – до боли пустой кошелек. Правда, я в тот день работал, а это означало, что он будет пустовать недолго. Но прежде чем отправиться в «Твайлайт», чтобы подготовить все для нашего абсолютно серьезного, без капли иронии показа «Дня независимости», я хотел встретиться с Арчи. Пусть глянет мне в глаза и прямо скажет, что мы не едем вместе в Сентервиль смотреть дурацкий фейерверк и гулять (знаю, знаю, но это же традиция).

То есть нужно было найти и папу, и Арчи.

И почему-то мне казалось, что ни тот ни другой не облегчит мне задачу.

* * *

К Поупу я отправился пешком. Так себе удовольствие, но не брать же папин пикап, чтобы найти папу и спросить, можно ли взять его пикап.

(Понятное дело, маленький городок Ривердейл уже не кажется маленьким, когда ковыляешь на своих двоих.)

Когда я уходил, пикап стоял перед домом, значит, отец уехал на мотоцикле (стоит заметить, что мотоцикл ничуть не лучше пикапа, если папа ушел в запой, но это уже другая тема). Как бы то ни было, я оставил машину пылиться перед домом, а сам потопал пешком.

Я пошел в обход, и это могло бы показаться бессмысленным, если не знать, что более длинная дорога пролегает через квартал Арчи. Я надеялся перехватить его перед работой и поговорить о завтрашнем вечере. Вдоль безлюдных улиц

тянулись ряды темных притихших домов, ожидающих, когда же взойдет солнце. Собственно, единственное окно, в котором горел свет, было окно Арчи, что показалось мне странным, учитывая ранний час. Похоже, Арчи не спал, – а что еще мог означать этот свет? Я подождал несколько минут, чувствуя себя маньяком-извращенцем («О, да это же Джагхед Джонс, как всегда, прячется по кустам, вот ведь чудак!»), но в комнате все оставалось неподвижно. С моего места полностью просматривалась кровать, и Арчи в ней не было.

Вздохнув, я достал из кармана телефон.

«Ты уже проснулся?» – набрал я, чувствуя себя психом, преследующим жертву, а не обычным (пусть чудаковатым и застенчивым) парнем, решившим поболтать с другом.

Потом пристально уставился на окно. Ничего. Ответа на сообщение тоже не было, даже этих издевательских крохотных точек в окне чата, означающих, что твой собеседник раздумывает, что же тебе ответить. И через несколько минут – несколько больше минут, чем мне хотелось бы признать, – я пожал плечами, спрятал телефон и продолжил путь в направлении кафе Поупа.

Я понятия не имел, где может быть Арчи в такой час. Возможно, все объяснялось очень просто: например, он уже уехал с папой на стройку, чтобы пораньше приступить к работе. Но тогда пришлось бы притвориться перед самим собой, будто я не заметил машину мистера Эндрюса на подъездной дорожке у их дома. Раз машина у дома, значит, мистер Эндрюс еще не на работе. А раз мистер Эндрюс еще не на работе, значит, и Арчи еще не там. При всем желании даже я не мог сделать вид, что не замечаю несостыковок.

Так где же его черти носят, этого Арчи?

* * *

К тому моменту, как я добрался до Поупа, солнце уже взошло. Припекало, и я снова покрылся потом. В такой ранний час на парковке было безлюдно… но не настолько, насколько я ожидал. Сартр сказал: «Ад – это другие». И вам не потребуется много времени, чтобы понять: я целиком и полностью с ним согласен. (Впрочем, учитывая, что эта фраза стала моим жизненным кредо, вам

при всем желании не удалось бы пообщаться со мной подольше. А если бы удалось, у вас не возникло бы такого желания.)

Арчи все не отвечал. В этом не было бы ничего странного – еще бы в такую-то рань, – если бы я не знал, что он не дома и, значит, не спит. Еще одно подтверждение того, что Арчи Эндрюс стал для меня загадкой.

Последний раз мы виделись, собственно говоря, у того же Поупа. Ровно неделю назад. Вечер выдался, как говорится, темный и ненастный, и я сидел в кафе за столиком один, пытался писать. В последнее время я все чаще этим занимаюсь. Представления не имею, сгодится ли на что-нибудь моя писанина, – вероятно, нет, кого я обманываю? – но мне типа все равно. Когда пишу, я отключаю внешний мир и в то же время все отлично осознаю и соображаю. Как по мне, так я оказываюсь в «лучшем из миров», типа по Лейбницу.

Конечно, я понимаю, что «вечер выдался темный и ненастный» – фраза-клише, самое банальное начало для истории, какое только может быть. Но не зря же начинающим авторам советуют писать правдиво и только о том, что они хорошо знают, и все такое. А вечер действительно был темный и ненастный. Ничего не могу поделать с тем, какая стояла погода.

Поуп подтрунивал надо мной из-за того, что я все сижу наедине со своим стареньким тяжелым ноутом. Мог бы и привыкнуть за все эти годы, но в тот вечер он меня достал: мол, если я и дальше буду все свободное время писать книги в глубоком одиночестве (хотя вообще-то я обычно сидел в кафе среди других посетителей), я превращусь в персонажа какого-нибудь ужастика, например, того парня из «Сияния» или даже кого похуже.

«У нас в Ривердейле такие не водятся», – ответил я. Тогда я в это верил и даже не догадывался о том, что ждет меня впереди.

Непогода бушевала уже несколько часов, и в кафе находились лишь мы с Поупом. Изредка забегал кто-нибудь забрать заказ навынос, но было ясно, что Поуп не закрывается, только чтобы не выставлять меня на улицу. Хороший он человек, не хотелось злоупотреблять его гостеприимством, и я уже собирался уходить – вернуться в трейлер, где отсутствие мамы и Джеллибин въелось в стены несводимым пятном, с которым не справится ни один отбеливатель, или отправиться еще куда-нибудь, – когда звякнул колокольчик над дверью и в кафе

вошли.

– Арчи! Ну и ну, кого к нам ветром занесло! Ты чего разгуливаешь в такую погоду? – воскликнул Поуп раньше чем я повернулся и увидел его.

– Джагхед…

Волосы Арчи прилипли ко лбу, с одежды струилась вода, и на полу под его ногами растекалась небольшая лужица. Какое там разгуливаешь! У него был такой вид, будто по нему паровой каток проехался, а потом дождем сверху полило. А все из-за взгляда – какого-то растерянного. Нет, даже не растерянного. Скорее, запуганного.

– Привет. – Я и сам растерялся. Покосился на капли, дробно падающие с кончиков его пальцев, потом спохватился, указал на место напротив за столиком: – Присядешь?

Арчи заколебался, и в сердце у меня будто нож провернули. Было время, когда мне не пришлось бы предлагать, а он бы не раздумывал. Причем совсем недавно.

Наверное, действительно все может измениться за одно лето.

Я пожал плечами, будто мне все равно, хотя и сам себе не верил. Арчи сел напротив.

– Привет.

– Давно не виделись. – Похоже, тем вечером я мыслил только штампами. – Чем занимаешься?

– Работаю у папы, сам знаешь. Лью бетон. – Он поморщился. – Это, конечно, не работа мечты, но папе нужна помощь. Так что, хочешь не хочешь…

– Хочешь не хочешь, – согласился я.

Мой папа работал на мистера Эндрюса, и не было необходимости объяснять, насколько это тяжкий труд.

– А ты… все пишешь. – Арчи кивнул в сторону стоявшего передо мной ноутбука.

– Пробую понемногу. На литературную премию не рассчитываю, конечно. Не знаю, найдутся ли вообще желающие это прочесть.

Его лицо смягчилось, но он словно думал о чем-то совсем другом. О чем-то далеком.

– Да брось, обязательно найдутся. Ты всегда лучше всех придумывал истории. Помнишь, как мы ночевали в домике на дереве? Твои страшилки всегда были страшнее всех. Я делал вид, что не боюсь, а на самом деле хотелось дунуть домой и забиться под кровать с Вегасом в обнимку.

– Да уж, помню. – Я улыбнулся. – Притворщик из тебя был никудышный.

«Тогда я читал тебя, как открытую книгу, Арч, – подумал я. – Да и сейчас вообще-то тоже».

Работа не стройке не объясняла, почему мы так отдалились друг от друга. Почему его никогда не было рядом. А главное, почему у него такой убитый, растерянный взгляд.

– Слушай… – вдруг вскинулся Арчи, – что, если я… и сам пишу? – Он смущенно потупился, как будто это был самый позорный поступок в его жизни.

– Да ты что?!

Стыдиться тут нечего, но очень уж неожиданно это прозвучало. Наш футболист Арчи, школьный качок – и начал писать? Неожиданно – это еще мягко сказано.

– Неужели роман или что-то такое?

– Ну… скорее, стихи. – Щеки Арчи стали пунцовыми.

– Стихи? Ты?

– Ну, не знаю… Наверное… это типа песен… – Он смутился окончательно. – Ладно, забей. Неважно. – Краткий момент слабости миновал. – Что делаешь на праздники?

– Третьего буду крутить в «Сумерках» «День независимости», все как всегда. Но четвертого кинотеатр не работает, так что у меня выходной.

– Ну да, конечно. Прикольно. – Он задумчиво пригладил волосы.

Не знаю, кто меня за язык дернул. Но я думал об этом уже несколько недель, а сегодня – с того самого момента, как проснулся. Наши отношения с Арчи совсем разладились, и я собирался выбросить эти глупости из головы. Но сейчас вдруг резко передумал.

Может, все дело было в выражении его лица – будто какая-то тоска его глодала. А может, в разговоре о домике на дереве и о том, как давно мы дружим.

– Помнишь, как мы каждый год ездили в Сентервиль смотреть фейерверк?

– Классно было.

– Может, и в этом году съездим? Вспомним молодость, на автобусе прокатимся.

У меня внутри все сжалось от нехорошего предчувствия. Сейчас он откажется…

Но лицо Арчи внезапно прояснилось:

– Да. Точно, отлично! Зайдешь за мной в четыре?

– Договорились!

И на мгновение мне почудилось, будто между нами все как прежде.

Тошно вспоминать, до чего же хотелось поверить в это. К тому моменту, как я понял, что у нас с Арчи происходит на самом деле, и насколько шаткой стала наша давняя дружба… к тому моменту было уже поздно что-то делать.

++

ПРОГНОЗ ПО РЫБАЛКЕ НА РЕКЕ СВИТУОТЕР

НА 4 ИЮЛЯ

Скорость течения: 711 кубических футов в секунду

Видимость в реке: 36 дюймов

Температура воды в полдень: 51°F[1 - 10 °C.]

Состояние воды: чистая

Лучшее время для рыбалки: со второй половины утра до первой половины вечера

Лучший участок для рыбалки: возле заводи Страйкера

Как добраться: от парковки у кемпинга 3,4 мили пешком

Какая рыба ловится: форель

Сезон рыбалки: 1 апреля – 20 ноября

Рекомендованный поводок для нахлыста: 4X

Рекомендованное нахлыстовое удилище: 9,5 фута

Рекомендованный нахлыстовый шнур плавающий: на форель

Рекомендованный нахлыстовый шнур тонущий: класс V

* * *

Мэрия Ривердейла и отдел парков и зон отдыха желают вам приятного отдыха.

Соблюдайте правила безопасности!

Глава третья

Вероника

«Кто раньше встал, того и тапки, m’hija»[2 - Доченька (исп.).], – любит говорить папочка. Только зачем мне ваши тапки? Я лучше посплю подольше.

В общем, можете представить, как я разозлилась, когда мама подняла жалюзи, нависла надо мной, будто тролль какой-то (невероятно красивый тролль с идеальной укладкой), легонько потрясла за плечо и нервно постучала по полу ногой в балетке от Валентино.

– Ронни, мы выезжаем. – В мамином голосе слышались нетерпеливые нотки. – Уже вот-вот. Ты же знаешь, у папы планы. Кэти, мне очень жаль, но тебе пора.

Я посмотрела на свои часики от Картье – милая безделушка, папочкин подарок, конечно. Еще и семи утра не было. Как некультурно!

– А может… – Уф, во рту пересохло, язык словно ватный, в голове стучало после вчерашнего. – Может, ты все-таки поедешь с нами, Кэти? Последняя возможность, решайся! Неужели ты и правда пропустишь лучшую вечеринку лета?

Осторожно, морщась от яркого солнечного света, я перекатилась на бок, приподнялась на локте и, вскинув бровь, поглядела на свою лучшую подружку.

Кэти, как это частенько бывало летом, осталась ночевать на второй кровати в моей комнате, поскольку вечеринка накануне затянулась. Кэти так часто у нас ночевала, что в каждой ванной дома Лоджей валялось что-то из ее косметики «Ла мер».

Кэти ослепительно улыбнулась, показав белоснежные зубы, – результат стараний лучших стоматологов в Верхнем Ист-Сайде.

– Но, Вероника, – промурлыкала она, поддразнивая меня, – я уже иду на лучшую вечеринку лета. Об ист-хэмптонских вечеринках, которые устраивает четвертого июля Келли Кляйн, ходят легенды! В прошлом году у них во всю стену выложили из пончиков американский флаг. А в этом году, по слухам, придет Рианна.

– Рианна? – фыркнула я. – Я тебя умоляю. Если повезет, может, туда и забредет кто-то из Кардашьянов. В Ист-Энде брось в толпу лабутеном – и в Кардашьяна попадешь. И если бы я знала, что тебе так нравится тематическая еда, я бы для тебя заказала красные, белые и синие печенья-макароны из «Ладюре». Знаешь, наш шеф-повар получил рецепт лично от Клода Жербе.

– Не глупи, Вероника, ты прекрасно знаешь, что меню давным-давно обсудили и утвердили, – вмешалась мама. Ее губы были все так же твердо сжаты, но в карих глазах заискрилась улыбка. – Кэти, милая, ты же знаешь, мы тебе всегда рады. Но если ты остаешься в Хэмптоне, пора прощаться. Капитан отчаливает через полчаса. По просьбе мистера Лоджа.

Всем известно, что «просьбу мистера Лоджа» можно назвать как угодно, только не просьбой.

– Ма-ам… – простонала я, – за это время мы еле-еле успеем выпить по двойному капучино, нам без этого никак не обойтись.

Кэти закивала, уставив на маму жалостные щенячьи глаза.

– Капучино и аспирина в промышленных дозах! – подхватила она, потирая виски.

Но на маму наши страдания впечатления не произвели.

– Я велю Марте принести вам кофе и по таблетке адвила и постараюсь уговорить отца подождать сорок пять минут. Но ничего не обещаю. – Мама нетерпеливо взмахнула рукой. – Так что поторапливайтесь.

– А ты попроси его задержаться на час. Тогда он согласится на сорок пять минут, – ухмыльнулась я.

Говорите про папу, что хотите – а сказать про него можно немало, – но поторговаться он любит. Еще больше, чем торговлю и переговоры, он любит всяческие уловки. Он даже яхту свою назвал «Уловка». И, как и полагается уловке, эта яхта позволит нам достичь желанной цели.

Мы с Кэти кинулись одеваться. Она сбросила одолженную у меня пижаму и натянула сарафан от Стеллы Маккартни, в котором красовалась на вчерашней тусовке.

– Костром пропахло, – заметила она, просовывая руки в оборчатые рукава, не скрывающие плечи.

– Киса, если от тебя пахнет прошлой ночью, значит, ночка выдалась что надо.

По крайней мере, она-то пошла туда с полного разрешения. Вообще спонтанный пикник, устроенный Люком на берегу лагуны Джоржика Понд, получился супер. Типа наплюйте на все запреты, забудьте, в кого вы там успели втрескаться этим летом, да накрасьте губки поярче – и все будет потрясающе.

Мы обе рассмеялись. Мы с Кэти хулиганим на пару с первого дня знакомства в младших классах в школе Спенса. Мама у нее всегда была немного чокнутая – милая, но чокнутая, – и даже тогда уже не позволяла Кэти съесть ни молекулы глютена. А вот моя мама давала мне в школу кексы «магнолиа» и рулетики с джемом и арахисовым маслом из «Блу риббон бейкери» – жаль, что этот ресторанчик закрылся, да покоится он с миром. Помню, бедная Кэти с такой тоской смотрела на сладости, что я отдала ей половину всего, что лежало в моей коробке для завтраков… А мне всегда было нелегко делиться, так что это точно судьба.

С тех пор мы неразлучны. Ну, не считая коктейльной вечеринки, которую мои родители устраивают на День независимости в нашем пентхаусе в жилом

комплексе Дакота на Манхэттене. Но Кэти уже три года сохнет по лучшему другу Люка Честейна – парню с невозможным именем Мак, который переехал из Австралии. Мак очаровал ее потрясающим прессом и сексуальным акцентом. Люк и Мак отмечают праздник в Хэмптоне – глупыши, – а значит, Кэти останется там же.

Ну ничего. Это значит, что moi[3 - Мне (фр.).] больше достанется. И мы всегда можем эсэмэситься и чатиться в фейстайме, чтобы сообщать друг другу последние новости.

Короче, пока большинство людей тряслись в автобусах и поездах или пытались найти место на бесплатных парковках (что абсолютно невозможно), наша яхта «Уловка» неслась прочь от порта Сэг-Харбор в сторону Нью-Йорка.

Я не обижалась на Кэти за то, что она решила остаться за городом – пресс у Мака и правда поражал воображение, – но я с ней не осталась бы ни за какие деньги. Кардашьяны и флаги из пончиков – это, конечно, миленько, но каждый знает, что никто не устраивает таких вечеринок, как мы, Лоджи. И праздник в честь Дня независимости – не исключение.

Сколько я себя помню, в этот день мы всегда приглашали гостей. Я была совсем маленькой, но уже понимала, насколько престижной считалась наша вечеринка. Получив приглашение на одно из самых труднодоступных мероприятий сезона, люди были готовы покинуть свои роскошные загородные особняки и на один день примчаться в Нью-Йорк. Оказаться в списке гостей Лоджей было не менее статусно, чем – когда-то – получить приглашение в студию Энди Уорхола. Завтра вечером мне предстоит чокаться бокалами с Дюпонами, Рокфеллерами, Вандербильтами… но хозяевами вечера все же будем мы, Лоджи.

Я знаю, о чем вы сейчас думаете. О том, что я – избалованная девчонка, не знающая настоящей жизни.

Вы правы на все сто. Даже не собираюсь оправдываться.

Папочка надрывается на работе, чтобы обеспечить нам красивую жизнь. И если он готов баловать плодами своего труда обожающую его дочь и преданную жену, то почему нет?

У меня вообще прекрасная жизнь, но лето в Нью-Йорке – это что-то потрясающее. Да, тут ужасно жарко, солнце припекает так, что горячий воздух дрожащим маревом висит над раскаленными тротуарами. Но нас спасает Ист-Хэмптон. Папа сам спроектировал наш особняк в гонтовом стиле – «Лодж-Хэмптон», как называют его местные, – на восемь спален, не упустив ни единой детали. У меня своя комната в южном крыле, окна выходят во внутренний дворик с садом и бассейном с соленой водой и с подогревом. Дощатая дорожка ведет из дворика прямо на наш собственный пляж. В доме есть центральное кондиционирование, но я обычно сплю с открытыми окнами, просто чтобы слушать океанский прибой. Кому нужен гул техники, когда рядом шумит настоящий океан?

Почти каждое лето, как только заканчивались занятия в школе, мы с Кэти бросали в сумку пару сарафанов и уезжали в Лодж-Хэмптон до самого сентября. При желании всегда можно было вернуться в город на яхте или, если папе она нужна, на частном вертолете. Этим летом я куда чаще сновала туда-сюда и наслаждалась каждым мгновением. Брала лучшее от обоих миров.

Летом папочка обычно работает меньше, и это восхитительно. Мы устраиваем неспешные семейные обеды, а по пятницам ходим в ресторан «Ле сёрк». Дома, в нашей классической нью-йоркской шестикомнатной квартире в довоенном здании, Марта всегда держит наготове накрытый к нашему приходу стол или продукты, которые можно мгновенно приготовить, – просто на всякий случай. А еще этим летом я наконец-то совершенно неожиданно последовала примеру типичных американских подростков – у меня появилась работа.

Ну вообще-то я устроилась на работу в журнал «Вог». Что, понятно, не так уж и типично для подростков. Официально меня взяли туда стажером в отдел моды, но после первой же недели на новом месте повысили, сделав личным секретарем-референтом Грейс Коддингтон.

(Знаю!)

Эта женщина действительно способна с первого взгляда определить человека с безукоризненным вкусом.

И работа была словно создана для меня; мы с Грейс оказались на одной волне, так что я предугадывала ее желания еще до того, как они у нее возникали. (Она

начинает свой день ровно в девять тридцать, минута в минуту, с зеленого чая матча с молоком и без сахара. В пятнадцать ноль-ноль пьет такой же чай, но уже без кофеина, с кусочком слоеного торта из ресторана «Сен-Амброз». Всегда отвечает на звонки Анны Винтур. Никогда не говорит с прессой. И горе той секретарше, которая посмеет показать ей гранки журнала, не вычитав их.) У меня был доступ к знаменитой гардеробной журнала – это практически Мекка для меня, – а кроме того, выполняя поручения начальницы, я еще ухитрялась немного пробежаться по магазинам в личных целях (у Нелл в «Барнейс» записаны все мои размеры и цвета косметики).

Кроме всего прочего, в журнале невероятно гибкий график работы. А значит, я могу проводить долгие выходные в Лодж-Хэмптоне, а вечером уходить домой пораньше, чтобы помочь маме готовиться к вечеринке.

Теперь вы понимаете, почему моя работа больше похожа на удовольствие.

– M’hija, ты улыбаешься, как кошка, объевшаяся сливок.

– М-м-м?

Мы лежали, растянувшись, на палубе яхты, прикрывая пенный капучино ладонями от ветра. Нос яхты мягко взреза?л волны. Я села, скрестив ноги, и посмотрела на маму.

– Наверное, я задумалась о том, как нам повезло. Я уже жду начала праздника. Губы сами улыбаются, когда вокруг такое… – Я махнула рукой на разложенные по палубе белоснежные мягкие подушки, пронизанный солнечными лучами морской воздух, окружающие нас со всех сторон зеленовато-голубые воды океана. – Может, я немножко избалованная (Тут мама фыркнула в совершенно нетипичной для нее неделикатной манере.), но я не социопат.

– Рада это слышать, – искренне откликнулась мама. – Конечно, нам повезло. И надо благодарить за это судьбу. И никогда не забывать о том, что у нас нет ничего, если у нас нет… – Она выразительно посмотрела на меня, ожидая продолжения.

– Семьи, – не раздумывая, выпалила я.

– Семьи, – эхом откликнулась мама. Она допила кофе и слизнула пенку с верхней губы. – А что касается оформления вечеринки…

– Я уже поняла, что флаг из пончиков у Келли Кляйн не произвел на тебя особого впечатления, – рассмеялась я. – Но что насчет макаронов?

– Ну, если они из «Ладюре», дурным тоном это никак не назовешь, но можно проявить более творческий подход. «Во всем важно качество». – Это был наш девиз, и я шепотом повторила его вслед за мамой. – Я тебе уже говорила, что почти все готово. Рэйф еще на прошлой неделе прислал мне отчет о подготовке вечеринки. Бенгальские огни в декорировании коктейлей. Гирлянды с красными, белыми и синими лентами. Мини-рулетики с омарами и тако с тунцом на вощеной бумаге, которые будут подавать на галереях.

– Городской пикник! Обожаю! – выпалила я. – Давай я принесу отчет, и мы еще раз пробежимся по нашим сегодняшним планам.

Мне нравилось, что наш дизайнер не пользуется «Пинтерестом» или Инстаграмом, предпочитая аналоговые технологии цифровым. Это делало его творения куда необычнее… и эксклюзивнее.

Вскочив с подушек, я направилась в каюту родителей, но остановилась перед дверью. Папа говорил по телефону и явно был чем-то недоволен.

– И когда вы собирались рассказать мне об этом? – Его голос задрожал от гнева. – Нет, не годится. Эти выплаты…

Яхту качнуло – видимо, подводное течение тут было бурным. Я пошатнулась, и в этот момент дверь в каюту распахнулась. Папа увидел меня, и лицо у него окаменело.

– Я вам перезвоню, – отрывисто бросил он и отключился, не дожидаясь ответа. Затем повернулся ко мне, пряча телефон в карман. – M’hija, что случилось?

– Я… м-м-м… просто искала отчет Рэйфа о вечеринке. Мы с мамой собирались обсудить оставшиеся вопросы, распланировать день. Прости, не хотела тебя отвлекать, – пробормотала я.

Неприятные телефонные разговоры были папе не в новинку, но на этот раз в его голосе мне послышалось что-то странное – словно сквозь гнев прорывались нотки отчаяния. Или мне только показалось?

– Посмотри тут.

Папа подвинулся, чтобы я могла добраться до маминого прикроватного столика. А когда я проходила мимо, папа вдруг погладил меня по голове, как в детстве, когда он укладывал меня спать. Я замерла.

– Что-то… что-то не так, папочка?

– Конечно нет, – не раздумывая откликнулся он. – Тебе не о чем волноваться. Бери отчет и ступай к маме. Это будет самая лучшая вечеринка в честь Дня независимости во все времена.

– Ладно… – ответила я, как будто и правда все в порядке.

«Тебе просто померещилось», – мысленно твердила я себе.

Но почему-то в это верилось с трудом.

Глава четвертая

Арчи

Никогда не считал себя сложным человеком. Что видишь, то и есть – старшеклассник из маленького американского городка. Футбол, семейные ужины, молочные коктейли с друзьями в кафе Поупа после школы. Ну, вы поняли.

Лето у меня тоже всегда проходило одинаково: целыми днями плескались с Бетти в реке Свитуотер, а по вечерам ходили с Джагхедом в «Твайлайт» смотреть кино. Подолгу бросал фрисби Вегасу. По выходным папа жарил на

гриле бургеры, и почти каждый раз какой-нибудь бургер падал на землю – на радость Вегасу и к нашему с мамой негодованию (обычно к этому моменту мы уже помирали от голода).

Но все меняется, наверное. Даже в таком маленьком городке, как Ривердейл, где, кажется, не меняется ничего. Уж я-то знаю. Мама бросила нас два года назад – и не вернулась.

Было тяжело. А этим летом все еще больше осложнилось. Бетти уехала на стажировку в Лос-Анджелес, что, конечно, классно для нее. Но я по ней ужасно скучаю. А с Джагом… мы уже не так часто тусим вместе. Это я виноват, наверное. Потому что… ну, потому что произошло кое-что, чего я никак не ожидал. Из тех случаев, которые все меняют.

Когда я был маленьким, мне нравилось спрашивать себя: «А что, если?» Это у меня была такая игра. «А что, если я еще не буду спать, когда мама заглянет ко мне?» (Она прочитает мне еще одну сказку перед сном.) «А что, если мы с Вегасом примем участие в собачьей выставке?» (Вообще-то это Бетти придумала. Но Вегаса стошнило на судью, и приз мы так и не выиграли.) «А что, если я запишусь в нашу местную команду по бейсболу, хоть мне и страшновато?» (Малыша Арчи сделали шорт-стопом!)

Но чем старше ты становишься, тем выше ставки в игре «А что, если?». А что было бы, если бы я уехал с мамой, когда она бросила папу, а не остался здесь? Я бы узнал, каково это, – жить в большом городе за пределами Ривердейла.

Но, с другой стороны, что, если бы этим летом меня не было рядом с папой и никто не помог бы ему? Он, конечно, делал вид, что оказывает мне услугу, – дал работу, разрешил лить бетон, и все такое. Но я-то знаю, что все не совсем так. Вижу, как он ночами за столом в гостиной корпит с калькулятором над стопкой счетов. Слышу, как он пререкается по телефону с поставщиками и пытается выторговать сделку повыгодней с клиентами. Сейчас и так непростое время для строительства. А если я рядом, папе не нужно наскребать деньги на еще одну зарплату для лишней пары рук.

Но есть и мелочи, приводящие потом к серьезным последствиям, которых никто не ожидал. Что, если бы папа не устроил уборку в гараже в ту первую неделю лета? Что бы тогда со мной было?

Я тогда решил, что он с ума сошел. Стояла безумная жара, такая, которая потом входит в книгу рекордов; такая, что ни о чем другом говорить невозможно. Но папе было все равно, если уж он настроился, его не собьешь.

Вот почему душным июньским вечером мы торчали в гараже. Жарко было, как в духовке. Спертый воздух пропитался запахом пыли и бензина. Руки, шея и спина горели и ныли после десятичасовой рабочей смены.

– Нам обязательно заниматься этим сейчас? – простонал я, плюхнувшись в старенький шезлонг. Глаза у меня слипались. – Я вымотался под завязку. А ты разве не вымотался? Как ты мог не вымотаться?

Лето только начиналось, и я еще не привык к нагрузке, поэтому после работы меня всего ломало.

– Сынок, в моем возрасте вымотанность – обычное состояние, – рассмеялся папа. – Просто учишься с этим жить. Попробуй.

– Ладно, ладно. – Я неохотно выкарабкался из шезлонга. – И не говори потом, что я для тебя ничего не делаю.

– Знаешь, Арч, есть такая поговорка… – Папа вытащил из угла обшарпанную картонную коробку. – «На вкус и цвет…»

– Ложечка для дыни, уцелевшая с прошлого века? – Я глянул в коробку и аж головой замотал. Такое можно увидеть только в телепередачах шестидесятых годов. – Ладно тебе, пап. Ты серьезно?

– Хм… – Папа нахмурился. – Положи-ка ее к вещам, которые мы оставим.

– Что? – Он был безнадежен. Я понял, что надо срочно пресечь это безумие. – Не сходи с ума. Эта ложка будет первой в груде вещей, которые мы сдадим в фонд Армии спасения.

Я выхватил ложку из коробки, прежде чем папа начал пререкаться, и от резкого движения плечи заныли еще сильнее.

Мы раскопали скутер с отломанным колесом, полотняную куклу-клоуна такого жуткого вида, будто в нее вселился злой дух, три стопки изъеденных плесенью комиксов (их я решил не выбрасывать), а потом я наткнулся на нее. Семейная фотография на самом дне коробки: мама, папа и я. И даже Вегас, свесивший набок язык, он всегда так делает, когда радуется. На фото мы все улыбались. Папа обнимал маму за плечи, она прижимала меня к себе.

Неужели тогда-то все и началось? То самое, из-за чего она решила, что ей будет лучше без нас? Быть может, где-то на снимке таится разгадка? Папа смотрел на маму, но ее взгляд был направлен в объектив камеры. Могли ли мы в тот миг догадаться, заранее предвидеть, что случится?

– М-м-м… слушай, пап, – неловко начал я. – Я тут хотел спросить… Ты с мамой давно говорил?

Может, они тайно общались все это время. Может, она знала, что у папы сейчас проблемы с работой, и решила вернуться. И прямо сейчас собирает чемодан.

Снова та же игра в «А что, если?».

Папа отвел глаза.

– Она очень занята. Только вышла на работу в новой фирме.

– Ну ясно.

Лучше не думать об этом. Новая работа – значит, надолго. Даже я не мог притворяться, что дела обстоят иначе.

– Короче, вы не говорили.

– Эй!

На какое-то мгновение я решил, что папа мне отвечает. Типа он огорчился, что я заговорил о маме, что-то в таком духе. Но когда я обернулся, он, сияя, вытаскивал из коробки что-то большое.

– Вот это точно стоит сохранить. Мой старый стратокастер!

– Ух ты!

Даже мне было понятно, что эта штука по-настоящему винтажная. Зеленая, глянцевая, покрытая гаражной пылью, гитара манила белым грифом с покрытым мелкими трещинками перламутровым бакелитом. Некоторые струны ослабли, других вообще не было. Но несмотря ни на что… стратокастер был невероятно крут.

– Пап, ты что, играл на гитаре?

Неужели мой папа когда-то увлекался музыкой? Почему никто раньше не упоминал об этом? Я словно увидел своего старика новыми глазами. Неужели когда-то и он был так же крут, как эта гитара?

– Ну так, иногда.

Отец провел пальцами по струнам, и они тихонько зазвенели, отчего мне немедленно захотелось подключить гитару и задать жару.

– Офигеть, пап. В хорошем смысле. Можно, я попробую?..

Мне вдруг до смерти захотелось поиграть на ней.

– Нельзя играть на чужой гитаре, Арч! – Папа неодобрительно покосился на меня. – Кроме того, я купил тебе твою личную гитару, не забыл?

Конечно нет. Папа подарил мне гитару на шестнадцатилетие. Акустический «гибсон» из темного дерева, крепкий и тяжелый. Я неплохо играл… но только в своей комнате. При одной мысли о том, чтобы сыграть для других людей, меня прошибал холодный пот.

Наверное, можно было объяснить это страхом сцены, но в глубине души я чувствовал… что жду вдохновения? Но вдруг оно так ко мне и не придет?

Как вскоре выяснилось, волноваться не стоило.

* * *

– Арчи, как слышите нас? Прием! Что случилось?

– Что? – Я заморгал.

Солнце поднималось все выше, заливая светом панорамное окно мисс Гранди – Джеральдины. Она казалась лишь темным силуэтом на фоне этого окна, но я все равно чувствовал ее удивление. В лучах солнца ее волосы сияющим нимбом окружали голову. «Твои волосы сияют…». Хм… Может, использовать эту фразу в песне? Рядом с мисс Гранди я все время думал словами песен. Вот так она на меня влияла. Я был как персонаж попсовой любовной песни.

– Прости, я просто задумался.

– Да, и похоже, о чем-то серьезном. – Она улыбнулась. – Ты будто в транс погрузился.

Так и было. Я снова играл в «А что, если?». Что, если бы Бетти не уехала в Лос-Анджелес? Что, если бы папа не попросил меня поработать у него на стройке? Что, если бы мы не откопали ту старую гитару и я не начал снова играть, пусть только в своей комнате? Что, если бы я не пошел домой с работы пешком в тот жаркий день в конце июня? Что, если бы голубой «Фольксваген», которого я раньше никогда не видел, не притормозил рядом со мной на дороге?

* * *

– Арчи Эндрюс? Ты почему разгуливаешь по такой жаре?

Я прищурился. За рулем сидела какая-то женщина с волнистыми темно-русыми волосами, в ее глазах, полускрытых солнцезащитными очками, светилось беспокойство. Да это же мисс Гранди, наша учительница музыки. Я едва узнал ее – вне школьных стен, без строгого костюма, в котором она ходила на работу.

– М-м-м… Силу воли тренирую!

Прозвучало по-дурацки, и мы оба рассмеялись.

– Давай я тебя подвезу, пока ты с солнечным ударом не свалился. – Она перегнулась через сиденье и открыла мне дверцу.

В тот день она довезла меня прямо до дома. Я не придал этому особого значения, разве что подумал мельком, как странно видеть учителей не в школе, а где-нибудь на улице. Но на следующий день Джеральдина опять подобрала меня неподалеку от стройки, будто специально приехала, чтобы подвезти домой. И на третий день, и на четвертый. А потом мы будто пришли к какому-то негласному соглашению.

Отчасти я всегда буду верить в то, что сама судьба свела меня с ней в тот день. У меня вдруг появился кто-то, с кем можно было поговорить об игре на гитаре… и о песнях, которые я начал писать, – так, обрывки строк в основном, но это только вначале. Мисс Гранди увидела гитару у меня на крыльце и спросила, играю ли я.

Когда Джеральдина попросила меня сыграть, я испугался, что ей не понравится. Пытался отказаться, она настаивала. Мне казалось, что, послушав меня, она сбежит, и тогда я вернусь к тому, с чего начал. Останусь один.

Но мисс Гранди очень серьезно отнеслась к моей игре. Она увидела во мне то, чего не видели другие, даже Бетти. Когда я играл для Джеральдины, она так улыбалась мне… и все вдруг обретало смысл.

– У тебя есть потенциал, Арчи, – сказала она. – Ты не думал брать частные уроки игры на гитаре?

Мы оба знали, о чем она спрашивает на самом деле. И мы оба знали ответ на ее невысказанный вопрос: «Да».

Постепенно нас сблизило увлечение… не только музыкой. Однажды вечером, не говоря ни слова, Джеральдина свернула с дороги. И не успел я опомниться, как она уже остановила машину в укромном месте на берегу Свитуотер. Вскоре это стало местом наших тайных встреч.

* * *

Может быть – и даже скорее всего, – я понимал: то, что мы делаем, неправильно (она ведь моя учительница, и вполне вероятно, наши отношения противозаконны, хотя все происходило с нашего взаимного согласия). Но мне уже было все равно. Ни к кому еще я не испытывал такого чувства, как к ней. Джеральдина стала самым важным человеком в моей жизни.

Вот почему я прибежал к ней сегодня утром (реально прибежал, в потной футболке, – может, это и не очень романтично, но во время утренних пробежек я мог навещать Джеральдину до начала рабочего дня, не вызывая подозрений). Наступило третье июля, приближался праздник, и мне хотелось устроить для нее что-нибудь особенное. Но главное, я хотел быть рядом с ней. Всегда.

– Я думал о Дне независимости… – Я вдруг занервничал, сам не зная почему. – М-м-м… ты уже решила, что будешь делать в праздники?

Едва заметно улыбнувшись, она налила себе кофе.

– Вообще-то я собиралась съездить на берег реки… – Джеральдина отхлебнула из чашки. – Хочешь со мной?

На этот вопрос мы тоже оба знали ответ.

Арчи:

Нашел палатку. Спрятал в гараже. Все готово!

Джеральдина:

Скорее бы уже. Давай встретимся у меня после обеда? И в лес.

Арчи:

Да!

Джеральдина:

–

[УДАЛИТЬ ИСТОРИЮ СООБЩЕНИЙ?] [ДА]

Глава пятая

Бетти

Дорогой дневник!

Ты не поверишь! Я и сама поверить не могу. Я и правда прячусь в кладовке «Хелло Гиглз», чтобы все записать. Я себя даже ущипнула, но мне все равно кажется, что это сон.

Наконец-то, наконец-то у меня появился шанс чего-то добиться!

Проснувшись сегодня утром, я думала только о том, как странно будет встречать День независимости вдали от друзей, от семьи… от Ривердейла. В хорошем смысле странно, но все же.

Я планировала встретиться сегодня с Брэдом, но в остальном – времени вагон. Одно большое приключение, как я и надеялась. Сходить утром на пробежку.

Принять душ у тети Гертруды в гостевой ванной, где коробочка с салфетками украшена чудно?й кружевной юбочкой. Раскопать в шкафу узкие джинсы и майку – самые лос-анджелесские вещи в моем гардеробе. Проторчать полчаса в пробке, просто чтобы преодолеть три мили по автомагистрали 405… Все, как обычно.

Но, добравшись до офиса, я обнаружила, что там все совсем не так, как обычно. Во-первых, тихо. За белоснежной, сияющей чистотой стойкой администратора – ни души. Все телефоны молчат.

– Есть кто-нибудь? – позвала я, ступая на цыпочках, будто опасалась застать кого-то врасплох.

В холле, где всегда толпится народ, пусто.

Как правило, там обретается не менее двух авторов – сидят, развалившись в винтажных переливчато-синих креслах или разгуливают вдоль ярко-желтых полок. Но на этот раз я увидела только айпад, позабытый кем-то на столе, – владельца в комнате не было.

Я озадаченно двинулась к нашему отделу.

– О, привет!

Клео, одна из редакторов, сидела за своим столом, покусывая кончик розового карандаша.

– А… где все?

Клео бросила украшенный блестками карандаш на стол и посмотрела на меня. Ее глаза за стеклами очков в массивной красной оправе казались огромными.

– Праздник. – Она пожала плечами. – Все разъехались. Я вот еду в Палм-Спрингс… – Она глянула на экран «Эппл воч» у себя на запястье. – Через час.

– Вот как. – Я обвела взглядом отдел. Никаких признаков жизни. – А кто-то еще есть?

Честно говоря, остаться в офисе одной было весьма заманчиво. Работы всегда полно – рассортировать по папкам бумаги, ответить на письма, – и можно было бы тихо-мирно заняться этим, не опасаясь, что в любой момент через плечо заглянет Ребекка.

Клео воззрилась на меня с таким удивлением, словно я сморозила очередную глупость.

– Ребекка в конференц-зале просматривает образцы обоев и обивки для статьи о лучших идеях ремонта гостиной.

– А, ну да, конечно.

Крошечный огонек надежды погас. Ясное дело, Ребекка не из тех, кто пропускает работу из-за какого-то праздника.

Я отправилась в конференц-зал отнести ей обед. Дверь была распахнута, но я тихонько постучала, чтобы не показалось, будто я вламываюсь без спроса.

– Войдите.

Я робко вошла. Почему-то одного присутствия Ребекки было достаточно, чтобы я начинала бегать на цыпочках.

– Я принесла обед.

Бумажный пакет с оглушительным шуршанием опустился на стол.

Ребекка стояла у стены, поочередно рассматривая образцы обоев: с голубым цветочным узором, фиолетовым цветочным узором, зеленым цветочным узором и цветочным узором оттенка «металлик». Цветы всех форм и размеров, от поп-арта до ажурных завитушек от Лоры Эшли. Очевидно, образцы были объединены какой-то темой.

– Даже не знаю… – Ребекка вздохнула. – Тебе не кажется, что это… уж слишком?

До сих пор начальница ни разу не интересовалась моим мнением о чем бы то ни было, во всяком случае вот так, напрямую.

– Что? Мне? – Я закашлялась. – В смысле, обои?

Ребекка беззлобно закатила глаза.

– Да. В смысле… с цветочками не перебор?

– Мне так не кажется, – честно ответила я.

Она мельком глянула на мою кофточку.

– Ну понятно. Но… металлик. С одной стороны, узор самый интересный из всех. Но с другой…

Кажется, она ожидала от меня каких-то слов…

– Режет глаз?

Мы в «Хелло Гиглз» стараемся избегать негатива, поэтому критиковать, даже конструктивно, нужно с умом.

– Точно! Режет глаз! – с облегчением воскликнула Ребекка. – Кроме того, я только что прочла в «Тенденциях дизайна», что на смену обоям пришла деревянная обшивка стен, и… – Она опять вздохнула. – Не знаю, мне просто все это не нравится. Как-то это уныло и скучно.

Вид у нее действительно был разочарованный. Вряд ли она стала бы со мной что-то обсуждать, если бы не праздник, из-за которого офис практически вымер. Но мне-то что? Главное, что Ребекка наконец-то со мной заговорила! Спросила мое мнение!

Она устало уселась за большой стол посреди конференц-зала и зашуршала пакетом, доставая свой заказ. Я смущенно стояла рядом, не зная, что мне делать.

– А себе ты что заказала? – спросила Ребекка. – Что-то ты ведь взяла? Должна же ты чем-то питаться. Хотя, не знаю, может, ты мечтаешь стать актрисой и потому вообще не ешь. В этом городе и не такие странности случаются.

– Да нет, я ем, – заверила я.

Я робко вынула из пакета свою еду. В Ривердейле не так много ресторанов с суши (точнее, их там вообще нет), и очень скоро после приезда я поняла, что острый ролл с тунцом и соевые бобы – это то, что мне больше всего нравится в Лос-Анджелесе.

Конечно, Ребекка не пригласила меня пообедать с ней прямым текстом, но типа того. Тем более что другой такой возможности могло бы и не быть. И я решительно выдвинула стул и уселась напротив. Лос-анджелесская Бетти, которая кокетничала с парнями и вела себя гораздо решительнее, чем скромная ривердейлская Бетти, обедала со своей начальницей.

Во время еды Ребекка то и дело вздыхала и принималась барабанить пальцами по столу. Воздух в комнате сгустился, как грозовое облако. Повисла неловкая тишина. И дерзкая лос-анджелесская Бетти снова решилась: а почему бы и нет, в такой-то день?

– Значит, на смену обоям пришла деревянная обшивка?

«Да уж, ну ты и блеснула умом, Купер!» – Я внутренне застонала. Хотелось немедленно забиться под стол и просидеть там до конца рабочего дня. Но лосанджелесская Бетти была не из таких. Она молчать не собиралась.

– Это вроде… деревянных панелей? Или… досок взакрой? – Мой мозг вскипал от попытки вспомнить, что говорили о дизайне интерьеров в передачах, которые Полли любила смотреть по выходным, валяясь на диване. – Но мне казалось, что обшивка стен взакрой – это как-то слишком?

Примерно как-то так заявила ведущая передачи «Все для дома» – такая рыженькая, с идеально уложенными локонами. Честно говоря, я даже не знала, что значит «взакрой».

– Так и есть! – Ребекка вскинула голову. – Да мы с тобой на одной волне!

Спасибо, «Все для дома». Спасибо, Полли, что вечно смотришь по телику всякую чушь.

– Судя по опросам, нашим читателям нравятся временные обои, которые легко поменять, не пререкаясь с родителями, комендантом общежития и хозяином съемной квартиры. Поэтому… – Она махнула рукой в сторону стенда с образцами, – одни цветочки.

– Да, но… – Из какого-то дальнего уголка памяти вынырнула очередная идея из передач о дизайне. – Бывают же временные обои, стилизованные под доски, кирпич и даже бетон, если кому-то захочется оформить свою комнату в индустриальном стиле. – Я улыбнулась. – Наверняка в этом мире существуют обои под доски взакрой.

– Гениально! – восхитилась Ребекка. – Круто. С тебя статья.

Я чуть не подавилась соевым бобом.

– Что? В смысле, супер! Спасибо! Я вас не подведу! Меня несло, и это было так же неловко, как вечная робость. Когда же я найду золотую середину?

Но Ребекка лишь рассмеялась:

– Всего двести слов про обои. Не сомневаюсь, что ты справишься.

– Супер, – выдохнула я.

Спокойнее, лос-анджелесская Бетти. Ты в деле.

– Вообще-то, раз уж ты здесь, можешь еще кое с чем помочь, а то я тут, можно сказать, зашиваюсь. Сегодня никто не пришел. И до сотрудников, которые работают удаленно, я тоже не могу дозвониться. Видимо, все чрезвычайно заняты «удаленной работой» над своим праздничным загаром.

Какое счастье, что я ненавижу загорать!

– Конечно все сделаю.

– Нужна статья для раздела «Образ жизни». Только что из отдела моды подкинули идею. До них дошли слухи, что Грейс Коддингтон в «Вог» взяла на лето стажером какую-то юную красотку из высшего общества. Казалось бы, кому это интересно? Светских девиц у нас пруд пруди. Но девчонка стоит внимания, она еще может стать новой Оливией Палермо. В Нью-Йорке ни одна модница моложе двадцати одного года не чихнет – и не купит новую помаду, если это не одобрено стажеркой из «Вог».

Уф, кошмар какой. – Написать о ней?

– Сделать с ней интервью. Причем срочно, материал нужен сегодня к вечеру, никак не позже полуночи. Ее семья каждый год устраивает прием в честь Дня независимости, и это настоящая сенсация. Туда аж из Монтока гости приезжают! Из Нью-Йорка к нам добраться и то проще!

Для меня все эти разговоры звучали все равно что на иностранном языке, но я кивала с умным видом.

– Вот об этом и надо написать. В прошлом году сайт «БаззФид» просто завалил нас снимками американского флага из пончиков на вечеринке Келли Кляйн. Но мы переплюнем «БаззФид». – Ее глаза сузились. – Обязаны переплюнуть.

Кто бы мог подумать, что среди средств массовой информации, освещающих жизнь светского общества, царит такая конкуренция. (Слава богу, что мне не надо писать об этой катастрофе с флагом из пончиков, что бы она там из себя ни представляла.) Но кажется, я попала в струю. Ну да, это не тот прорыв в журналистской карьере, о котором я мечтала, но тоже неплохо. И, раз уж дверь приоткрылась, лос-анджелесская Бетти ломанется в нее со всех ног.

(Да, и я вечно путаюсь в метафорах. Надо поработать над этим до того, как я опубликую свою первую статью в «Хелло Гиглз»!)

– Переплюнем. Конечно. Я успею до полуночи, без проблем. – Тут я подумала про Чумового Брэда. Ничего, как-нибудь. И статью напишу, и с ним встречусь. Не упущу ни то ни другое. – А кто эта новая светская львица, которую мне нужно

разыскать?

– Вот. – Ребекка что-то написала на бумажке и протянула мне. – Это номер ее личного мобильного. Если кто-то спросит, мы его получили от… В общем, если кто-то спросит, как мы его получили, просто уходи от ответа.

– Понятно.

Я посмотрела на бумажку. Буквы словно кричали: «Это твой шанс, лос-анджелесская Бетти! Не упусти его!»

Даже в имени этой девушки было что-то властное, высокомерное. «В Нью-Йорке ни одна модница не чихнет без ее одобрения». А мне предстояло взять у нее интервью.

«ВЕРОНИКА ЛОДЖ».

Кевин:

Пойдешь сегодня в «Твайлайт»?

Мус:

Да, Мидж никогда не пропускает показ «Дня независимости».

Кевин:

…

Мус:

Но…

Мус:

…

Кевин:

?

Мус:

Может, после сеанса встретимся?

Кевин:

Там видно будет.

Глава шестая

Джагхед

Если Ривердейл никогда не меняется, то кафе Поупа – это просто образец незыблемости. Одна только светящаяся неоновая вывеска – сама по себе достопримечательность, которую стоило бы внести в список объектов культурного наследия. Даже думать не хочу о том, сколько часов я провел, протирая задницей виниловое сиденье за столиком в этом кафе. И сколько бургеров Поуп «записал на мой счет».

Я отдам ему долг обязательно… когда смогу. Только сначала нужно понять, как заработать. А это легче сказать, чем сделать. Арчи работает у своего папы. А мой отец… ну, чисто теоретически, он работает на отца Арчи. Во всяком случае, он так говорит. Но дело в том, что наши с ним графики последнее время не совпадают, я его почти не вижу, и интуиция подсказывает мне, что ничего хорошего это не предвещает. Арчи, мой папа… Неужели все отдалились от меня этим летом?

Может, я не прав, что в Ривердейле ничего не меняется? «Ведь, как зари улыбка, все золотое зыбко»[4 - Стихотворение Р. Фроста (пер. с англ. Г. Кружкова).].

Так что ж тут удивительного, что кафе Поупа стало моим вторым домом? Оно всегда открыто, и Поуп всегда за стойкой. Хоть что-то стабильное в этой жизни.

Как я уже говорил, тем утром на парковке было безлюдно, но не совсем: подойдя поближе, я увидел Джейсона Блоссома. Привалившись к стене кафе, он с бешеной скоростью набирал сообщение в телефоне. Его кожа казалась еще бледнее, чем обычно, она словно просвечивала в лучах восходящего солнца. Вид у него был хмурый.

– Привет, – сказал я, подходя.

Джейсон вскинул взгляд, коротко кивнул с непроницаемым выражением.

Мы с Джейсоном из разных компаний. Его никогда особо не радовали встречи со мной, и это утро не стало исключением. Я не обиделся. Честно говоря, в тот момент он был похож на призрака, хотя и стоял на ярком солнце.

– Пишешь восторженной поклоннице?

Ляпнул не подумав. Впрочем, Джейсон состоял в школьной команде по водному поло, и по меньшей мере две трети девчонок из старшей школы Ривердейла были влюблены в него по уши.

– М-м-м… Ну да. – Он снова уткнулся в телефон.

С ним творилось что-то неладное. Он казался взбудораженным, взвинченным, словно предвкушающим что-то, и в то же время рассеянным, озабоченным, немного испуганным. Слишком много всего и одновременно, если хотите знать мое мнение. Не уверен, что он вообще заметил мое присутствие. Уяснив намек, я двинул дальше.

Звякнул колокольчик над входной дверью, и Поуп, вытиравший прилавок, поднял голову и широко улыбнулся. Его улыбка полностью компенсировала отсутствие интереса со стороны Джейсона.

– Джагхед Джонс! Я как чувствовал, что ты придешь.

– Я настолько предсказуем, Поуп?

– Предсказуемость – это хорошо для бизнеса, мальчик мой.

– Мне кажется, это относится только к тем клиентам, которые платят по счету, – смущенно пробормотал я.

– Я не беспокоюсь, – отмахнулся Поуп. – Уверен, ты скоро рассчитаешься. – Он наполнил кружку черным кофе и подтолкнул ко мне по стойке. – Как насчет бургера? Или еще рановато?

Я закатил глаза:

– Для бургеров никогда не бывает рановато.

* * *

Двойной чизбургер с котлетками средней прожарки, розоватыми внутри, и расплавленным ломтиком сыра чеддер, растекшимся по булочке – ни в коем случае не подсушенной! Маринованые огурчики, ломтики помидора, может, колечко лука, но только не салатный лист (салат – та же вода, только хрустит на зубах). Я всегда заказывал именно такой бургер, и, конечно, Поуп знал мой заказ наизусть. Солнце только взошло, но я набросился на еду с таким аппетитом, будто не знал, где и как мне удастся поесть в следующий раз (хотя обоим было понятно, что еда будет та же и там же). Мой старый, добрый ноут лежал рядом на стойке, но я его еще не включил, полностью сосредоточившись на еде.

– Картошка достаточно поджаренная? – спросил Поуп, подливая мне кофе.

Люблю, когда картошка зажарена так, что разве что не подгорела. Ухватив идеально обжаренный ломтик, я приветственно помахал им Поупу и сунул в рот.

– Великолепно, как всегда. – Я кинул в рот еще несколько штук.

– Осторожнее. Если глотать с такой скоростью и не жуя, поперхнуться можно. А мне потом отвечать.

– Не волнуйтесь, Поуп, я вам не новичок. До травм дело не дойдет.

Отхлебнув кофе, я глянул на телефон. До «Сумерек» и подготовки к сеансу времени еще полно. Впереди – неспешное утро за ноутом. Это было бы очень приятно… если бы не напоминало о том, как мало у меня дел. О том, как мало у меня вообще всего в этом мире.

И все же… Впереди была поездка с Арчи. Даже самому себе не хотелось сознаваться в том, как мне не терпится встретиться с ним. Особенно если учесть, что на моем телефоне не было ни одного пропущенного звонка, ни одного сообщения.

– А… – словно невзначай начал я, но, может быть, Поуп был прав, и я слишком быстро напихивался едой, потому что горло перехватило. Я едва перевел дыхание. – Арчи в последнее время не заходил, Поуп?

Неужели прошла всего неделя с тех пор, как мы болтали, будто все было по-прежнему?

Прошла. Конечно, прошла. И я это знал.

Поуп на мгновение отвел взгляд, обдумывая мой вопрос.

– В последнее время? Не припомню. Несколько раз забегал за обедом для отца. Хороший парнишка.

Хороший парнишка. Да уж, это Арчи Эндрюс. И хороший друг – по крайней мере раньше был.

– Хотя… нет, пожалуй, – прервал мои размышления Поуп. – Я его уже несколько дней не видел, как минимум. Не знаю, чем уж он так занят. В последний раз он сидел тут с тобой в тот вечер, когда была гроза. Неделю назад?

– Точно.

В тот самый вечер, когда он рассказал о своих песнях. И когда мы договорились съездить в Сентервиль.

– И вообще, разве это не я должен спрашивать тебя, чем занимается Арчи? – продолжил Поуп. – Вы ведь всегда были не разлей вода, верно?

Он говорил так, будто просто поддерживал беседу, но я знал, что Поуп ловит каждое слово, малейшее изменение лица. Он ничего не упускает.

– Наверное, все в этой жизни меняется. – Наконец-то я вслух признал неизбежное. – Даже в нашем сонном, старом Ривердейле.

Словно в ответ на мои слова, звякнул колокольчик над дверью. Этот звук идеально укладывался в ход нашего разговора, и на мгновение мне померещилось, что мы каким-то образом одной силой мысли призвали Арчи в кафе. Но это был всего лишь Дилтон Дойли. Наверняка только что вернулся из очередного похода со своими скаутами – опять они учились выживать в условиях дикой природы по безумному сценарию, который измыслил Дойли.

– Кстати о предсказуемости. – Я вздернул бровь: Дилтон вывел девиз скаутов «будь готов» на совершенно новый уровень.

Дойли бросил на меня хмурый взгляд и поправил красную бандану (справедливости ради, выражение лица у него всегда хмурое и напряженное).

– В наше непростое время необходимо уметь предсказывать любые, даже самые непредвиденные обстоятельства, Джагхед. – Он отбросил прядь густых волос, упавшую на очки. – Не все могут позволить себе роскошь бегства в… – он махнул рукой в сторону моего ноутбука, – вымышленную реальность.

– Ладно, хорошо, – согласился я. Накручивать Дилтона не хотелось. – Непростое время, как скажешь. А я-то, дурак, только что назвал Ривердейл сонным городком. – Я пожал плечами. – Никаких неожиданностей.

Если не считать того, что происходит с Арчи.

– Ну, кроме того случая, когда Уэзерби вызвал тебя к себе на ковер за то, что ты принес в школу… кажется, нож?

Это случилось в мае, прямо перед экзаменами.

Дойли помрачнел еще сильнее:

– Карманный нож. Стандартный нож из набора скаута. Это просто смешно. Но такая уж моя судьба. – Дилтон решительно кивнул, будто убеждая самого себя в правдивости собственных слов. – Ты даже не представляешь, каково это, знать, что случится что-то ужасное. Быть уверенным в этом. Но не знать, что именно и когда.

– Дилтон, тебе говорили, что ты зануда? – Я улыбнулся, показывая, что это дружеская шутка. (Мне такие вещи постоянно говорят. А рыбак рыбака видит издалека, и все такое.)

– Мой папа всегда говорил: «Мир жесток и не прощает ошибок. Сама Вселенная пытается нас уничтожить. И далеко не всегда все к лучшему».

Я вспомнил о маме, представил личико оглянувшейся назад Джеллибин, сидящей в детском кресле на заднем сиденье машины, когда они уезжали.

– Что правда, то правда.

– Оглянись вокруг, – продолжил Дилтон, будто на линолеумном покрытии стойки Поупа были начертаны знамения, приоткрывающие будущее. – Разве тебе самому не кажется, что не случайно праздник выпал на кровавую луну?

– Я… честно говоря, этого не знал. – И я понятия не имел, что такое «кровавая луна», но говорить об этом не стал. – Дилт… Уэзерби не советовал тебе… м-м-м… ну, немного расслабиться, а?

Испепеляющий взгляд Дойли, непонятное настроение Джейсона Блоссома – определенно, у Поупа сегодня царила весьма странная атмосфера.

– Да что этот Уэзерби знает? – презрительно фыркнул Дилтон. – Он, да и все остальные, прячет голову в песок, как страус. Конец света уже близок. И мы с моими скаутами будем готовы к апокалипсису.

– Если близок конец света, зачем ты тащишь скаутов в лес? Чтобы встретить там апокалипсис с распростертыми объятиями?

– Ты не понимаешь, Джонс. Я единственный, кто готов к концу света, потому что отец меня натренировал. Ребята нуждаются во мне.

– Ладно-ладно. – К чему пытаться урезонить Дилтона? – Обязательно гляну на эту твою кровавую луну. Наверняка это будет самое интересное событие в Ривердейле за долгое время.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

10 °C.

2

Доченька (исп.).

3

Мне (фр.).

4

Стихотворение Р. Фроста (пер. с англ. Г. Кружкова).

Купить: https://tellnovel.com/ostou_mikol/riverdeyl-nakanune

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити